

среднего и высшего профессионального образования рассматриваются реструктуризация и оптимизация сети профессиональных училищ, развитие системы непрерывного профессионального образования, формирование государственных заданий учебным заведениям на основе прогнозирования перспективных потребностей рынка труда. В сложившихся условиях реструктуризация и оптимизация вызваны также изменениями законодательства в области образования, необходимостью изменения механизма бюджетного финансирования образовательных учреждений, который на сегодня совершенно не связан с качеством подготовки кадров, работой на заказ, трудоустройством выпускников по полученным профессиям и закреплении их на производстве. Профессиональное образование остается единственной сферой производства товаров и услуг, получающей средства за произведенный, а не реализованный продукт.

Анализ факторов, влияющих на организацию профессионального образования, показывает, что существующие проблемы можно решить лишь объединенными усилиями и согласованными действиями органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, бизнеса и самих учебных заведений. Вместе с тем этот процесс во многом зависит от эффективности государственной поддержки, обеспечивающей условия для нормального функционирования и развития системы профессионального образования.

Литература

1. Глоссарий сайта «Федеральный Государственный Образовательный стандарт». URL : <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=318>.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Официальные документы в образовании. 2000. №2. С. 2–18.
3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL : <http://mon.gov.ru/pro/reg>.
4. Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2009 году и задачах на 2010 год. Материалы к выступлению министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко на заседании итоговой коллегии Минобрнауки России 19 марта 2010 года. URL : <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/6853>.

5. Об образовании. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.92 №3266-1 // Вестн. образования. 1996. №7. С. 14–18.

6. Смолин О.Н. Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. М., 2001.

Realization of public policy in the sphere of professional education in Russia (2001 – 2011): based on the materials of the South of Russia

There are characterized the state strategies of development of professional education system in Russia, main tendencies and contradictions in the system of basic and secondary professional education.

Key words: *state strategies, public educational policy, institutions of basic and secondary professional education.*

Н.Ю. СТАРОДУБЦЕВА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ПРОЦЕССА УНИФИКАЦИИ СЕВЕРА И ЮГА ФРАНЦИИ*

Рассматривается одна из самых сложных проблем средневековой французской монархии – унификация земель, особенно острая для юга Франции. Ее решение берет начало со «Статутов Памье» 1212 г., чьи установления были развиты и официально закреплены Парижским мирным договором 1229 г. Опираясь на данные документы, французские короли преодолели внутрисударственные противоречия.

Ключевые слова: *унификация, централизованное государство, Тулузское графство.*

Создание единого централизованного государства – важнейший этап в истории Франции. Одной из серьезных проблем в ходе централизации французского королевства стало преодоление различий между разными частями государства.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве.

Традиционно процесс унификации социально-политических структур севера и юга Франции принято относить ко времени правления Альфонса Пуатье (с 1249 г.) или даже отодвигать к моменту окончательного вхождения южных земель в состав королевского домена (1271 г.). Оценки этого процесса также разнятся вплоть до противоположных. Одни исследователи говорят о радикальной ломке традиционных структур на Юге [2; 3]. Другие же утверждают, что никаких кардинальных перемен в этих структурах не произошло, все трансформации были проявлением их естественной эволюции [6]. Соответственно, говорить о целенаправленном процессе унификации не приходится.

Как нам представляется, серьезные изменения общественных и политических структур Юга действительно имели место во второй половине XIII в., но они стали возможны только благодаря тому, что на предыдущем этапе для этого была заложена основа. Доказательством является ряд событий и документов, относящихся к первой трети XIII в. Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить истоки унификационного процесса и, таким образом, определить время его начала.

В данном контексте речь прежде всего должна идти о деятельности Симона де Монфор, графа Тулузского по праву завоевания, и так называемых «Статутах Памье» (1212 г.), которые стали первой попыткой реформирования завоеванных земель, для чего в г. Памье был созван специальный «парламент». Обоснование для этого начинания в изложении французского хрониста было весьма благообразным: «Целью этого официального совещания было восстановить добрые нравы в землях, которые он [Симон де Монфор] завоевал и подчинил Святой Римской Церкви... Благородный граф желал таким образом установить кутюмы* и зафиксировать некоторые границы для сеньоров, которые никто не сможет преодолеть; определить, насколько рыцари смогут с полным основанием пользоваться верными и законными доходами; и сделать так, чтобы простой люд сам мог жить под крылом сеньоров, не будучи обремененным незаконными поборами» [15, с. 220 – 221]. Однако, очевидно, истинные намерения были более прагматичного свойства – легитимизировать свою власть и организовать ее наиболее удобным образом, т.е. в соответствии с привыч-

* Кутюма – правовой обычай отдельных провинций, сеньорий, городов, общин средневековой Франции.

ными нормами. Именно поэтому значительная часть установлений, принятых собранием в Памье, была составлена по «кутюме Франции** и обычаям в окрестностях Парижа» [10, с. 423 – 432]. Таким образом, письменное право, унаследованное Окситанией*** еще от периода римского владычества, вытеснялось обычным правом, принесенным франками на Север королевства [13, с. 887].

«Ордонансы и регламенты Симона, графа де Монфор, для преобразования страны и земель им завоеванных» (таково полное название статута) включают довольно много статей, так или иначе связанных с церковными вопросами [10]. Очевидно, де Монфор не просто желал заручиться поддержкой своего мощнейшего союзника, чтобы тот в дальнейшем служил гарантом его власти, но и рассчитывал с его помощью подорвать силы своих врагов. И расчет в полной мере оправдался. На руку графу-завоевателю и всему Северу в особенности пришлось статьи, предполагавшие конфискацию имущества лиц, запятнавших себя связью с еретиками, а также запрет на занятия ими официальных должностей (ст. 10, 13, 14). Это привело к передаче власти над территориями французским баронам, получившим в свое распоряжение завоеванные земли в качестве фьефов (на условиях службы Симону де Монфору) и сформировавшим управленческий аппарат исключительно из французских рыцарей в соответствии со ст. 16 – 21. В этом смысле интерес представляет и ст. 42, запрещающая вдовам и наследницам крепостей и замков выходить замуж за местных жителей без особого разрешения графа де Монфор, но позволяющая беспрепятственно сочетаться браком с французскими рыцарями. Подобная мера была рассчитана на мирную, постепенную замену старой местной аристократии выходцами с Севера. Сама же система наследования для всех южан должна была соответствовать «кутюме Франции» (ст. 40), т.е. принципу майората, что было нацелено на прекращение дробления владений и их закрепление за французами. В целом Симон де Монфор рассчитывал на создание системы управления покоренными землями, которая бы находилась в полном его подчинении.

Римская церковь достойно «отплатила» графу за покровительство: IV Латеранский со-

** Следует иметь в виду, что в это время под именем «Франция» понималась только северная часть королевства, входившая в королевский домен.

*** Окситания – историческая область Франции южнее Луары, население которой говорило на языке «ок».

бор (1215 г.), закрепивший в 40-м каноне условия «легитимного владения», подтвердил передачу прав на завоеванные земли Симону де Монфор, отказав таким образом Раймонду VII в наследстве [7, с. 342 – 386]. Граф де Монфор поспешил получить клятву верности от жителей вверенных ему земель, а сам принес оммаж за эти территории Филиппу II Августу [8, с. 598], чтобы упрочить связь завоеванных земель с центральной властью. Этот же собор утвердил и расширил меры против еретиков и заложил основы деятельности инквизиции, что в дальнейшем немало поспособствовало унификационному процессу.

Смерть Симона де Монфора в 1218 г. и неспособность его сына удержать власть над захваченными землями воспрепятствовали дальнейшему внедрению северофранцузских норм и обычаев в практику. Однако сдвиг уже начался. Требовалось лишь официальное закрепление выбранного вектора развития, что и произошло в 1229 г., когда состоялось подписание Парижского мирного договора [5], ознаменовавшего окончание Альбигойских войн. Трактат, прозванный «миром победителей» (Ш. Пейтави) [10], «капитуляцией» (М. Рокебер) [14, с. 301], исходя из тяжести его условий, предопределил падение тулузской династии Раймондинов, одновременно подтвердив рост могущества династии Капетингов.

Усиление королевской власти благодаря данному договору проходило как бы в два этапа. Непосредственным следствием трактата стала передача ряда городов и крепостей под власть короля (ст. 11). Именно данные территории послужили форпостом по внедрению северофранцузской модели государственного управления и социальных отношений на Юге. Для облегчения проведения в жизнь этой задачи захваченные земли были организованы в соответствии с северофранцузским принципом административного управления – были образованы два сенешальства* (с центрами в Бокере и Каркассоне) во главе с сенешалями, напрямую подчиняющимися французскому королю. Под власть короля перешло и средиземноморское побережье, что имело большое значение как для экономики, так и для внешнеполитической активности французского королевства, что также способствовало усилению

королевской власти, получившей в свое распоряжение новые рычаги воздействия. С потерей этих земель «закончилась большая политика Тулузских графов касательно земель Империи и Средиземноморья» [11, с. 48]. Сам тулузский граф обязался «принести оммаж и клятву верности королю *в соответствии с обычаем баронов королевства Франция* за все оставленные ... земли» (ст. 13) [5, с. 361], т.е. отныне он должен был соотносить свою внутреннюю политику с интересами французского монарха, косвенным образом подчинив свои владения его власти. Данный договор подорвал обороноспособность Юга, поскольку предполагал снос крепостных стен и засыпание рвов в 30 городах и крепостях, в том числе в самой Тулузе (ст. 16). На это же были направлены и значительные финансовые взыскания, ложившиеся на плечи Тулузского графа и препятствовавшие ему в дальнейшем набрать новую армию. Обязательство изгнать из своих земель всех рутьеров (ст. 3), т.е. воинов-наемников, также затрудняло возможности создания войска. Одновременно с этим в ряде городов размещались французские гарнизоны, причем их содержание также должно было осуществляться из средств Раймонда VII (ст. 20). Фактически «это была вооруженная оккупация» [14, с. 303]. Благодаря этим мерам была ликвидирована угроза пересмотра итогов Альбигойских войн. Монарх смог избавиться от одного из сильнейших своих противников, что дало ему возможность активизировать экспансионную и централизаторскую политику.

В своей политике Раймонд VII, согласно договору, должен был опираться на людей, не причастных к ереси, и наказывать тех бальи** и сенешалей, которые запятнали себя связью с еретиками (ст. 3), а также разрывать связи с союзниками, повинными в том же (ст. 9), что вполне согласовывалось с духом «Статута Памье». В результате тулузский граф оказался без поддержки преданных ему управляющих, т.к. они по большей части в ходе инквизиционных расследований были обвинены в пособничестве еретикам (как, например, сенешаль Тулузы и бальи Муассака). Однако были и статьи, рассчитанные на более отдаленную перспективу и оказавшиеся наиболее губительными для независимости южан. Речь идет о целом ряде статей, предполагавших восстановление полномочий церкви на этих территориях и даже увеличение ее прав и привиле-

* Сенешальство – административная единица на юге Франции во главе с сенешалем, выполнявшим военные, судебные и финансовые функции.

** Бальи – представитель короля или сеньора, управлявший областью, называемой бальяжем.

гий, чем монарх гарантировал себе поддержку мощнейшего союзника. Договор стал толчком к созданию инквизиционных трибуналов по всему Югу (ст. 2 – 7, 18), что было окончательно утверждено в том же году на Тулузском соборе. Все это привело к уничтожению свободомыслия и терпимости, издавна процветавших на Юге. Вслед за владениями наихристианнейшего короля Тулуза стала гонительницей еретиков, евреев и прочих иноверцев.

В результате Парижский мирный договор подорвал как обороноспособность Юга, так и идейную основу борьбы. Если ранее идеи гетеродоксических учений и эмоциональные призывы трубадуров играли роль идеологической составляющей борьбы, то усиление позиций церкви расшатало их положение, лишив борцов за независимость идейных лидеров. Инквизиция помогла уничтожить основные очаги сопротивления власти. Во многом успешность унификационной политики французского королевского дома была обеспечена именно совместными действиями государства и церкви.

Самым фатальным для независимости Юга стал пункт, оговаривавший заключение брака между единственной дочерью-наследницей графа Раймонда VII и братом короля Людовика IX (ст. 10). Все владения Тулузского графа после его смерти должны были перейти в руки Жанны и ее супруга, а затем – к детям от этого брака. В случае же отсутствия у них прямых наследников, земли передавались во владение французского короля «в обход других ... детей» [5, с. 360], если бы таковые появились у Раймонда VII. Само это положение входило в острое противоречие с нормами феодального права в его главном вопросе – порядке наследования, «классическое право наследования превращалось в королевский произвол» [2, с. 213].

Таким образом, несмотря на то, что мирный договор не предписывал напрямую уничтожение Тулузского графства и его вхождение в королевский домен, он, тем не менее, создал условия, при которых это становилось лишь вопросом времени. Данным договором французский король не только гарантировал успешную экспансию своей власти, но одновременно избавлялся от могущественного противника и угрозы целостности своих владений.

Для французской монархии уничтожение подобной угрозы в лице тулузских гра-

фов было особенно важно, поскольку последние поддерживали довольно тесные связи с английским королем и германским императором, которые были традиционными противниками французского монарха. К тому же французский королевский дом скорее всего осознавал опасность конкуренции с Арагоно-Каталонским королевством, т.к. стремление королей Арагона расширить и упрочить свою власть над Лангедоком было достаточно очевидно. Таким образом, обеспечив вхождение южных земель в свой домен, французский монарх порядком уменьшал угрозу, исходящую от его внешнеполитических конкурентов. По сути дела, после соглашения 1229 г. «королевской власти оставалось только дожидаться его [Раймонда VII] смерти, чтобы пожать плоды договора» [16, с. 128]. Не меньшее значение имело и получение преимущества над «внутренним врагом». Парижский мирный договор не просто закрепил военную победу французской короны, но и гарантировал победу государственного аппарата над дезинтегрирующими тенденциями феодальной раздробленности. По словам Р. Каратини, «он был проявлением окончательной победы французской монархии над феодальным строем» [1, с. 295].

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что вышеназванные мероприятия привели к окончательному сглаживанию противоречий между разными частями королевства. Однако именно этот комплекс мер послужил базой, на которую смог опереться Людовик IX при проведении централизаторской политики. К этому моменту произошла замена значительной части старой аристократии на новую, французскую. Уже имелся прецедент управления по нормам «кутюмы Франции». А французский король, как верховный сюзерен, укрепил свое право вмешательства во внутреннюю жизнь подвластных земель, чем он пользовался достаточно активно (указы о преследовании еретиков, Великий ордонанс 1254 г. и т.д.). Так началось создание единого централизованного государства Франция.

Литература

1. Каратини Р. Катары. М. : Эксмо, 2010.
2. Ольденбург З. Костер Монсегюра. История альбигойских крестовых походов. СПб. : Алетейя, 2001.
3. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М.: АСТ, 2003.
4. Albisson J. Lois municipales et economiques de Languedoc. Montpellier: Didot, 1780. Т.1.

5. Articles de la paix // Histoire generale de Languedoc / par Vic et Vaissette. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T.5. L. 24. P. 359 – 362.

6. Dognon P. Les institutions politiques et administratives du Pays de Languedoc (du XIIIe siecle aux guerres de religion). Toulouse: Privat, 1895.

7. Foreville R. Histoire des conciles oecumeniques. Paris: Seuil, 1965. T. 6: Latran I, II, III et Latran IV.

8. Hommage de Simon de Montfort au Roi, pour le comte de Toulouse // Vic C. de, Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T. 6. P. 598.

9. Hommages rendus a Simon de Montfort // Vic C. de, Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T. 6. P. 601 – 602.

10. Ordonances et reglements de Simon, comte de Montfort, pour la reformation du pays et terres par luy acquise // Parctelaine M.Q. de. Histoire de la guerre contre les albigeois. Paris: Librairie universelle, 1833. P. 423 – 432.

11. Peytavié Ch. La Paix des vainqueurs // Pays cathare. 2000. № 19. P. 44 – 51.

12. Pierre de Vaulx-Cernay. Histoire de la guerre des albigeois. Paris: Imprimerie de A. Belin, 1824.

13. Rigaudiere A. La royaute, le Parlement et le droit écrit aux alentours des années 1300 // Comptes-rendus des s_eance de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1996. №3. P. 885 – 906.

14. Roquebert M. Histoire des cathares. Hérésie, Croisade, Inquisition du XIe au XIVe siècle. Paris: Perrin, 2010.

15. Vic C. de, Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T. 6.

16. Villeminoz J. Raimond VII de Toulouse et la paix de Paris (1229-1249): Thèse. Paris, 2002.

To the issue of beginning the unification process of the North and the South of France

There is considered one of the most complicated issues for medieval French monarchy – unification of lands. This issue was especially urgent in the South of France. Its solution goes to the XIII century and rises from “The Pamiers Statutes” of 1212, whose statements were developed and officially consolidated by the Paris Treaty of Peace of 1229. The given document became the base, according to which the French kings managed to overcome internal contradictions.

Key words: *unification, centralized state, the Toulouse County.*

Н.Ю. СТРЕЛЕЦ
(Оренбург)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕКРЕТИРОВАННЫХ НОРМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–1930-х гг. (по материалам Южного Урала)

Предложен оригинальный взгляд на государственно-церковные отношения в Советской России 1920 – 1930-х гг. С опорой на архивные материалы и опубликованные источники раскрыта сущность антирелигиозной пропаганды, которая не столько отвечала мировоззренческим и культурным потребностям людей, сколько являлась проводником узкопартийного и воинствующего атеизма.

Ключевые слова: «*воинствующий атеизм*», *государственно-церковные отношения, отделение церкви от государства, Южный Урал.*

Победившая власть Советов одним из принципов провозгласила атеизм. Многовековая православная традиция была отвергнута. Религия объявлялась «опиумом для народа» и, безусловно, была не нужна строителям нового мира.

На Южном Урале местные власти обосновывали сокращение численности верующего населения убедительностью атеистической пропаганды, массовым сознательным отказом от религии и успехами в антирелигиозной работе, хотя приверженность той или иной конфессии приобретала скрытые формы. Образовались различные секты, которые действовали активнее антирелигиозников. Известно, что существовал даже хор, гастролировавший по деревням и исполнявший песни религиозного содержания. Секты были хорошо связаны между собой и получали литературу из Куйбышева и Москвы [9]. Однако очень скоро борьба с верой была подменена борьбой с верующими. Факты, свидетельствующие об этом, разрознены, часть документов по-прежнему находится в закрытых хранилищах [12, с. 202], хотя даже по доступным материалам можно представить картину антицерковной политики государства в 1920–1940-е гг.

Ленинский декрет об отделении церкви от государства, опубликованный 23 января 1918 г., стал основой репрессивной политики, проводимой командно-административной систе-